

ются стилистически сниженная и бранная лексика, образные слова и словосочетания, междометные слова, индивидуально-авторские оценочные слов и обороты, что свидетельствует о более высокой степени свободы участников в выражении оценок и раскрепощенности.

Одинаковая количественная представленность экспрессивных модальных значений в английском материале, а также высокая употребительность усилительных лексем по сравнению со всеми другими способами эмфазы, отсутствие бранной лексики в ток-шоу и маленький удельный вес оценочных модальных значений с иронией говорит о стремлении английских коммуникантов показать свое доброжелательное и позитивное отношение к окружающим. Такая манера общения выступает как тактика коммуникативного поведения. В русском материале наблюдается более гармоничное соотношение выделяемых в исследовании средств эмфазы, более широкая представленность узуальных и индивидуально-авторских случаев оценочного словообразования, образных оборотов, стилистически-сниженной лексики, что говорит о высокой степени эмоциональности, прямолинейности и открытости. Эти эмоциональные оценки в большей степени являются проявлением естественного коммуникативного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф – 2-ое изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

МИР ВЕЩЕЙ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

THE WORLD OF THINGS AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

Н. В. Лучкина¹⁾, С. А. Мирзоева²⁾, Д. А. Малинина³⁾

N. Luchkina, S. Mirzoeva, D. Malinina

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»

Ростов-на-Дону, Россия

Rostov State Medical University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: ¹⁾*luchkina7@mail.ru*, ²⁾*samirzoeva@yandex.ru*,

³⁾*diana-yukhanaeva@rambler.ru*

Лингвокультурологический подход к исследованию мира вещей позволяет выявить изменения, происходящие в данном фрагменте языковой картины мира. В условиях глобализации меняется образ жизни человека, трансформируя его предметное пространство.

Ключевые слова: лингвокультурология; мир вещей; ценность; образ жизни.

The linguocultural approach to the research of the world of things reveals the changes, happening in this fragment of the linguistic picture of the world. In the context of globalization the way of a person's life is changing, transforming his subject space.

Keywords: linguoculturology; the world of things; value; way of life.

Обладея национальными специфическими особенностями, мир рукотворных вещей может служить объектом изучения при исследовании культуры другого народа и быть предметом лингвокультуроведческого анализа. Вещный мир способен многое рассказать нам о его обладателях: как об отдельном человеке, так и о народе в целом. Названия предметных реалий разных эпох и народов по-разному komponуются в их языковых картинах мира, так как одни из них несут бóльшую смысловую нагрузку и составляют ее ядро – другие видоизменяются, подстраиваясь под модные тенденции своего времени или отражая вкусовые пристрастия их обладателей, и располагаются на периферии. Если нам нужно будет назвать слова, обозначающие наиболее важные предметные реалии русской языковой картины мира, то это, безусловно, будут *дом, стол, кухня, источник света (лампа, свеча и т. д.)*. Исследования И.А. Разумовой подтверждают, что из бытовых реалий в русском жилище особой значимостью обладали именно *стол, очаг и источник света*: «Стол (= престол, домашнее святилище), очаг и источник света составляют основную символическую триаду, которая отождествляется с домом, уютом, родственным кругом и воплощают идею “святости семейного очага”». Эта идея имеет глубокие лингвистические основания» [2, с. 154]. Но даже те слова, обозначающие предметные реалии, которые исконно принадлежали к ядру языковой картины мира, утрачивают свои позиции. Так, в той же монографии обращается внимание на то, что в настоящее время люди свои квартиры не связывают с понятием *родина*, несмотря на то что ранее *дом* в сознании русского человека всегда ассоциировался именно с этим понятием.

Утратил свое объединяющее значение общий стол: жизнь каждого члена семьи подчинена индивидуальному рабочему или учебному графику. Семьи собираются вместе по случаю каких-то юбилейных и праздничных дат, однако в большинстве случаев все застолья переносятся на нейтральную территорию: в кафе, рестораны, в специальные игровые центры. Не нужно много времени тратить на приготовление праздничного стола, а затем мыть и убирать посуду. Все направлено на экономию времени и собственных усилий, которые необходимо беречь для другого – зарабатывания денег. Уклад российской семьи в XXI веке значительно изменился.

Давно лишился своей объединяющей роли телевизор как один из обязательных предметов домашнего интерьера. Возможны ли сейчас семейные просмотры телепередач? Это исключено, так как коммерческое телевидение ориентировано на скандалы, на показ криминальных сюжетов и разных ток-шоу, демонстрирующих отрицательные образцы поведения и общения.

Даже роль такого традиционного предмета домашнего интерьера, как часы значительно изменилась. Каждый стал сам хронометрировать свою жизнь, сверяя время по электронным часам мобильного телефона, компьютера, автомобиля и т. д. Это раньше ход часов являлся признаком жилого пространства, жизненной энергии семейного организма, воплощением его внутреннего ритма.

Стандартизированный советский образ жизни ушел в прошлое. Он предполагал однотипность пространства, окружающего человека, начиная с одинаковых домов и заканчивая элементами их интерьера. Недаром юмор самой популярной новогодней комедии Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» оказался таким близким и понятным российским жителям: в основе новогодней путаницы лежит одинаковость предметных реалий разных городов – Москвы и Ленинграда.

Безусловно, существовала мода, но она не была столь стремительно меняющейся, как в настоящее время. В романе К. Велембовской «Дама с биографией» описывается кардинальная смена бытового обустройства дома в середине XX века, когда энергичные, современные молодые люди *«вышвырнули на помойку дореволюционную рухлядь красного дерева, обставили квартиру предков модной низкой мебелью, развесили репродукции с картин Пикассо, заменили статуэтки на керамику и на этом навсегда закрыли для себя тему обустройства быта. Ибо, считали они, на свете существуют занятия гораздо более увлекательные, чем побелка потолков, многочасовое стояние в очередях за импортными обоями или еженощная переключка возле мебельного. Их мысли занимала любимая научная работа, а часы досуга посвящались вечерам поэзии в Политехническом, Театру на Таганке, «Новому миру», «Науке и жизни», «Юности», книжным новинкам, музыке».*

Духовные ценности для того поколения людей были в приоритете. Можно говорить о внутренних причинах, влияющих на обустройство быта в советский период, – это была система ценностей того времени, разрушенная стремительным нашествием мира, ориентированного на потребление. И тут, на наш взгляд, возникла ситуация, когда желание жить по-другому, обзаводясь модными интерьерами и одеждой, было, а возможности для его реализации отсутствовали. Материальная бедность

россиян конфликтовала с теми желаемыми картинками обустройства жизни, к которым призывала реклама.

В своем диссертационном исследовании «Полифункциональность образа “вещь-дом” как феномен культуры» [3]. С. Е. Филиев пишет о том, что с раскрытием границ и усилившимися процессами глобализации в мире культура все больше становится транснациональной. Это привело к смешению стилей, смешению нравов, менталитет каждой нации постепенно начал терять свою индивидуальность, что привело к всеобщей усредненности. Автор диссертационного исследования делает вывод о том, что российская культура оказалась абсолютно неподготовленной к такой ситуации. Согласимся с этим утверждением.

Русская проза дает нам возможность понять, как обустраивали свой быт предшествующие поколения. В повести Р. Сенчина «Ничего страшного» рассказывается о быте обычной семьи в период, когда начал рушиться тот уклад жизни, который существовал в советскую эпоху. Поколение нынешних уже прабабушек и прадедушек получало от государства малогабаритные квартиры, зачастую двухкомнатные-трехкомнатные. Четыре комнаты были большой редкостью и подразумевали какие-то личные заслуги обладателей таких квартир. А обычная семья в советское время должна была поломать голову над тем, как обустроить жилье, чтобы места хватило всем. Вот и герои повести Р. Сенчина «Ничего страшного» вынуждены в крохотном жилом пространстве думать над распределением площади в двухкомнатной квартире: большая комната сразу была названа ими *залом*, а вторая, девятиметровая, стала *кабинетом* для хозяина дома – преподавателя вуза. И промышленность того времени была ориентирована на выпуск мебели, экономящей квадратные метры: *диван-книжка*, *раздвижной обеденный стол*. Однако в скором времени у молодой пары рождается дочь, и конфигурация жилого пространства меняется: кровать дочери и телевизор в одной комнате оказываются несовместимыми, и кабинет Юрия Андреевича становится спальней для ребенка, а письменный стол перемещается в угол зала и отгораживается шкафом, чтоб создавалось хотя бы подобие отдельного помещения. Затем у дочери вне брака родился сын, что еще больше усложнило жизнь семьи в маленькой двухкомнатной квартире.

Произведения Р. Сенчина позволяют с фотографической точностью воспроизвести вещное пространство русских семей, а также понять, какое мироощущение возникает у людей, обреченных проживать вместе на небольшом пространстве.

Постсоветская эпоха провозгласила свободу выбора вещей для наполнения пространства, что позволило перейти от однотипности к раз-

нообразию, насколько это позволяла материальная состоятельность владельцев жилья.

Существует мнение, что дети, не ведая уклада прошлой жизни, должны легче приспосабливаться к современным условиям. Но, по-видимому, детям так же сложно живется в условиях нынешней цивилизации, как и их родителям. Особенно в мегаполисах. Р. Сенчин описывает ощущения девочки-подростка, живущей в Москве. Даша, героиня повести «Чего вы хотите?», живет в семнадцатизэтажном доме, выходя из подъезда которого сразу же попадает в водоворот бурной московской жизни и стремится *«скорее заскочить в метро, где хоть какой-то порядок; а потом – из метро – скорее домой, в пускай относительную, но тишину, хоть в какую-никакую, но надежность...»* Но и дома девочка желанного душевного комфорта не находит: этому мешает ограниченность перегруженного вещами жилищного пространства и негативный информационный фон. *«Была бы Дашина воля, она бы вообще выбросила из квартиры почти все. Почти все вещи. Они дают, мешаются, лезут в руки»*, – пишет Р. Сенчин. Девочка видит, как родители пытаются увеличить жилую площадь квартиры, делая обитаемым пространство лоджии. Получается это у них с большим трудом, так как речь идет о квадратных сантиметрах, которые мало что решают.

В настоящее время увеличивается разобщенность людей, имеющих даже кровное родство, при условии их совместного проживания на небольшой площади. Жилые районы, в которых многоквартирные, часто панельные, дома возводились в сжатые сроки, в народе получили название «спальных». Многообразные занятия семьи в таких домах свелись к одному – спать между работой и учебой. Ограниченность жилой площади не соответствует представлению людей об идеальном жилище, в котором каждый должен иметь свое личное пространство, а также место, где бы семья могла собираться вместе в свободное время, – для этого должны быть просторные гостиные. У детей также должно быть собственное пространство. Слово *детская* мы встречаем в литературных произведениях прошлого. А у наших современников – разве что у небольшого количества состоятельных людей – есть в домах достаточный простор, чтобы удовлетворить потребность каждого члена семьи в уединении. Личное пространство все более приобретает виртуальный характер: для него не нужны дополнительные квадратные метры – достаточно иметь в руках планшет, ноутбук, мобильный телефон. Это еще в большей степени служит дезинтеграции семейных связей.

Если в недавнем прошлом семантика дома и его бытовых реалий была связана с противостоянием постоянного и изменяющегося, вечно-го и временного, «своего» и «чужого», то в XX веке ситуация начала

быстро меняться, приобретая космическую скорость нарастания изменений в образе жизни людей XXI века. «Постоянное», «вечное», «свое» стремятся к исчезновению. Во многом это происходит под влиянием глобализационных процессов. Мы наблюдаем интернационализацию бытовых реалий: мебель зачастую из IKEA, бытовая техника и игрушки – из Китая, мода в одежде – с Запада и т. д. Унифицируются быт, образ жизни, манера одеваться. Унисекс в одежде требует минимум внимания к тому, что носит человек.

Под влиянием происходящих изменений в обществе рушатся прежние стереотипы, меняется система оценок: хорошо-плохо, красиво-некрасиво, комфортно-некомфортно, целесообразно-нецелесообразно. Целесообразно ли обзаводиться коврами, которые ценило поколение бабушек-дедушек? Ковровые изделия требуют значительного ухода, и им все меньше остается места в домашнем интерьере. В Интернете появляются публикации, подводящие теоретическую базу под стремление людей упростить свой быт: гладить постельное белье вовсе необязательно, кровать убирать не рекомендуется – пусть проветривается, беспорядок в жилом помещении говорит не о неряшливости хозяев, а о том, что их интересы лежат в другой плоскости, далекой от быта. Российская повседневность приобретает новый характер, подчиняясь ускорению временных процессов и обстоятельствам современного жизненного уклада. Сейчас молодые семьи стремятся обособиться, обзавестись собственным жильем, чтобы наладить в нем жизнь согласно своим вкусам и устремлениям. Фастфуд и разного рода полуфабрикаты избавляют от необходимости уделять внимание приготовлению еды, бытовая техника упрощает стирку и уборку. Внимание обращается на функциональность вещей, что не подразумевает проявления сентиментальности – от ненужных вещей с легкостью избавляются. На смену старой техники приходит новая. Книги, бывшие в недавнем прошлом на почетном месте в домах многих людей, начали исчезать – так как им на смену пришли электронные библиотеки.

В монографии Н. Л. Чулкиной «Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание» говорится о попытке классифицировать «слова-вещи». Большой хаотичный список слов и словосочетаний был разделен на функциональные слова-вещи, при которых могут быть предикаты, обозначающие действия или операции, производимые с помощью этих вещей, и «магические» слова-вещи, которые могут выступать как культурные знаки. Ссылаясь на исследования Ж. Бодрийяра, Н. Л. Чулкина пишет о назначении «магических» вещей «украшать» нашу повседневную жизнь, «выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности» [3,

с. 204]. Однако в настоящее время можно высказать предположение, что современный человек получил другое мощное средство «бегства от действительности» – виртуальный мир, который позволяет обнулить ценность реальных предметов.

В недавнем прошлом, при исследовании дискурса предметного мира русских, нами были обобщены его особенности, среди которых отсутствовала «центробежность» тех понятий, которые составляли ядро вещного микрокосма. В статье 2015 года обращалось внимание на то, что «неустойчивая повседневность делает предметный мир русских не вполне надежным прибежищем: все может измениться весьма быстро, поэтому, хотя привязанность к родным вещам у русских людей, безусловно, присутствует, но они не переоценивают их значимость» [1, с. 386].

Современный человек стал свидетелем эфемерности всего, что составляло незыблемость его жизни раньше, – так стоит ли ему высказывать обеспокоенность сохранностью вещей? Видимо, логика наблюдаемых явлений в мире вещей, окружающих человека, такова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лучкина, Н.В. Исследование особенностей дискурса предметного мира русских / Н.В. Лучкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 6 (717). – С. 377–388.
2. Разумова, И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И.А. Разумова. – М. : ИНДРИК, 2001. – 376 с.
3. Филяев, С.Е. Полифункциональность образа «вещь-дом» как феномен культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Филяев Сергей Евгеньевич; ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет». – Нижний Новгород, 2009. – 29 с.
4. Чулкина, Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание / Н.Л. Чулкина. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.